

Следует также помнить, что прошлое университета – это не только символический капитал, укреплявший профессиональную солидарность учёных, но и административный ресурс, который организаторы юбилея могли использовать в своих целях, например, перенося праздник на более удобную дату и обосновывая своё решение фактами из истории. В более широкой перспективе несостоявшийся в 1904 г. юбилей является примером того, как Казанский университет, как бы этого ни хотелось его руководству, не был и не мог быть «островком стабильности» в условиях острого политического кризиса, разразившегося в Российской империи.

Образы Первой мировой войны в сознании удмуртского этнического сообщества

Алексей Загребин

The images of the First World War in Udmurt ethnic community
*Aleksei Zagrebin (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural
branch of the Russian Academy of Sciences)*

К столетию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. вышли в свет оригинальные исследования, обращённые к ранее «забытым» темам, среди которых – образы первого глобального военного конфликта в сознании различных слоёв российского общества¹. Интересно в этом отношении изучение этнически ориентированных источников – газетной периодики, личных воспоминаний, научных текстов и политических прокламаций.

Мировая война, в той или иной степени затронувшая каждого, поставила перед народами, обществами и государствами вопросы, ответы на которые пришлось искать опытным путём и в предельно сжатые сроки. Требовалось задействовать те необходимые для будущей победы инструменты, которые до этого ещё массово не применялись. Одним из них, вошедшим в арсенал военно-политической стратегии стран Антанты и Четверного союза, было использование национальных чувств, земляческих отношений и этнических особенностей.

В 1915 г., когда в России истощился ресурс кадровой армии, особое значение приобрели подразделения, прибывавшие в действующую армию из внутренних военных округов страны. Развёрнутые на основе запасных частей, существенно пополненных резервистами, преимущественно вчерашними крестьянами, новые полки по составу были многонациональными, как и сама империя. Власти должны были позаботиться о состоянии боевого духа и в дей-

© 2016 г. А.Е. Загребин

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-03573 «Поля несуществующего»: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация).

¹ Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014; Удмуртский край в годы Первой мировой войны / Под общ. ред. А.Е. Загребина и Н.В. Тойкиной. Ижевск, 2014.

ствующей армии, и особенно в тылу, где формировались настроения будущих призывников. В условиях модернизирующегося общества традиционной опоры на церковную проповедь оказалось недостаточно, поэтому требовались дополнительные каналы воздействия на умы людей. Выход был найден – усиление активности государственных газет и журналов, в том числе издававшихся на языках многочисленных российских народов.

В феврале 1915 г., согласно распоряжению вятского губернатора А.Г. Чернявского, священник-миссионер П.П. Глезденёв (И. Мендияров) приступил к изданию газеты на удмуртском языке «Войнаысь ивор» («Весть с войны»). При подготовке наполненных искренним патриотическим пафосом статей о положении дел на фронтах и заметок об отличившихся в боях солдатах и офицерах сотрудники редакции фактически создавали удмуртский литературный язык. Желая быть услышанными, авторы вводили в печатный оборот множество диалектных слов, неологизмов и метафор, рисуя в народном сознании образы войны, врага, союзника и защитника родной земли². Годы спустя удмуртская поэтесса Ашальчи Оки вспоминала, какое сильное впечатление тогда на неё – юную учительницу – произвела газета на родном языке³. Агитационный потенциал издания в полной мере был востребован в ходе борьбы за установление в крае новой власти в 1917–1918 гг. – тогда оно выходило под названиями «Удморт» («Удмурт») и «Виль синь» («Новое око»).

Совершенно иной, личный, взгляд на природу войны отображён в биографическом очерке о побеге из немецкого плена участника войны Алексея Денисова⁴. Призванный в армию из обычной удмуртской деревни, он смог с редкой силой слова описать свой первый и, как оказалось, единственный бой – в ноябре 1914 г. под Лодзью, когда, израсходовав боезапас, около 200 русских солдат искали спасения в разбитых артиллерией окопах и в итоге попали в плен.

В рассказе о лагерной жизни, длившейся более двух лет, автор соединил реализм (и даже натурализм) «милитаризованной несвободы» с чувственным восприятием своего нового положения – во власти неблагоприятных обстоятельств⁵. Научившись выживать в плену и приспособившись к языковой среде, он начал по-особому ценить дружбу и расположение, проявившиеся со стороны таких же военнопленных – англичан, французов, бельгийцев, заочно открывая для себя «внешний мир». Во время перемещения из одного лагеря в другой этот солдат не переставал думать о родном доме как о конечной станции своего вынужденного путешествия.

Автор отмечал, что первая более или менее благоприятная ситуация, связанная с нахождением на работах вблизи голландской границы русских пленных, была использована ими для подготовки побега. Несмотря на то, что охране удалось пресечь эти приготовления, отчаянная попытка увенчалась успехом и измученная шестерка беглецов достигла Голландии. Здесь они нашли радуш-

² Егоров А.В. Фразеология в информационном поле газетного текста (на примере удмуртских газет времён Первой мировой войны) // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 4. Ижевск, 2014. С. 19–20.

³ Христолюбова Л.С. Просветительская и этноконсолидирующая роль первых удмуртских газет и культурно-просветительных обществ в первой четверти XX в. // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000. С. 43.

⁴ Денисов А. Мынам плэньсь пегъеме (Как я бежал из плена). Казань, 1919.

⁵ Ившин Л.М. Особенности языка очерка А. Денисова «Мынам плэньсь пегъеме» // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Ижевск, 2015. С. 64–65.

ный приём, но предложение остаться отвергли, заявив: «Воевать с немцами мы не боимся, поскольку горячо любим свою родину»⁶.

За исполненным драматизма описанием побега следует выраженное автором ощущение раскрепощения, когда после краткого отдыха в российском консульстве в Роттердаме, герои его очерка триумфально переместились в Лондон – «самый большой город мира»⁷. Текстологически изложенное Денисовым напоминает описание путешествия, где приключение может таиться за каждым поворотом, а развязка совсем не обязательно будет счастливой. Автор держит читателя в напряжении, рассказывая о морском пути, проделанном им и его товарищами на направлявшемся в Берген английском пароходе, в условиях постоянного риска встретиться с немецкими рейдерами и подводными лодками.

Динамика травелога несколько спала, когда друзья, пройдя нейтральные норвежские и шведские земли, через Финляндию попали в Петроград. Примечательно, что насыщенное фактами и разного рода этнографической конкретикой повествование автор завершил идентификационным абзацем: «Вот так, мы, шестеро, совершив побег из немецкого плена, вернулись домой. Я сам родом из деревни Комьяк Поршурской волости Елабужского уезда. Двое моих товарищей оказались из Пермской губернии, один – из Сибири, один – из Смоленской губернии, а один – из моей же губернии, только из Сарапульского уезда. Среди них, русских, я один был удмуртом»⁸.

Первая мировая война, несмотря на всю бесчеловечность, продемонстрированную «цивилизованным» миром, явила множество примеров гуманизма. В этом ряду немало добрых дел, инициированных представителями гуманитарной науки, в частности финно-угроведения, сложившегося к началу XX в. в самостоятельное исследовательское направление. Живой интерес к истории и культуре живших в России родственных народов, проявленный со стороны финских и венгерских интеллектуалов, вёл их к интеграции труда с русскими этнографами, создавая необходимый для позитивного развития науки дискуссионный контекст. Испытанием профессионального сообщества стала война, отказавшая финно-угроведам в праве пользования ранее апробированными практиками – полевыми экспедициями, музейными и университетскими стажировками. Кроме того, люди, являвшиеся объектами их исследований, надев солдатские шинели, оказались в рядах противоборствовавших армий⁹. Тогда и пришлось использовать нетривиальные формы научной работы – с военнопленными.

Среди солдат и офицеров русской армии, находившихся в лагерях для военнопленных в Австро-Венгрии и Германии, были выходцы из финно-угорских регионов России. Этим заинтересовались австрийские, венгерские и немецкие учёные, решив воспользоваться ситуацией в научных целях. Они начали собирать фольклорно-этнографические материалы, применяя звукозаписывающие аппараты¹⁰. При этом значительная часть записей была самым тщательным об-

⁶ Денисов А. Указ. соч. С. 21.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Wichmann Y. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1930. Vol. 54. S. 10–19.

¹⁰ Beke Ö. Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern. Helsinki, 1938; Encapsulated Voices: Estonian Sound Recordings from the German Prisoner-of-War Camps in 1916–1918 / Ed. by J. Ross (Das Baltikum in Geschichte und Gegenwart. Herausgegeben im Auftrag der Baltischen Historischen Kommission von M. Garleff und P. Kaegbein. Bd. 5). Cologne; Weimar; Vienna, 2012.

разом расшифрована и описана. В результате уже в процессе работы из печати вышли два сборника, содержавшие марийские, чувашские, эстонские, мордовские, коми-зырянские и коми-пермяцкие песни¹¹.

Пожалуй, самую продуктивную научную работу с военнопленными провели в крупном лагере в местечке Кенермезё, неподалёку от г. Эстергома, расположенного на территории Венгрии¹². Профессор Д.Р. Фокош-Фукс впоследствии писал: «Это стало для нас большой новостью, что уже в первый год мировой войны среди многочисленных русских военнопленных, размещённых преимущественно в лагере в Эстергоме, были солдаты, родной язык которых, как удалось установить, был одним из финно-угорских... Таким образом, появилась возможность изучать языки здесь, на месте. Венгерская Академия наук сделала всё возможное, чтобы использовать этот благоприятный случай для изучения финно-угорских и тюркских народов. К счастью, военная администрация быстро пошла навстречу и предоставила в распоряжение лингвистов упомянутые категории военнопленных»¹³.

В Эстергомском лагере находились 39 пленных солдат-удмуртов, из числа которых были подобраны информанты. Собственно сбор, расшифровку и перевод удмуртских записей на немецкий язык осуществил венгерский лингвист и этнограф Б. Мункачи. В 1885 г. в 25-летнем возрасте он впервые побывал с экспедицией в удмуртских селениях. Вторично Мункачи приезжал к удмуртам в 1888 г., проверяя старые и делая новые фиксации¹⁴. «С восторженным интересом, – писал он, – следит венгерский взор за востоком Европы, за теми краями, где забрезжила заря его национального бытия и где легенды древнего времени приобрели крылья. Посещение прежней родины и оторвавшихся братьев и сестёр прельщает наши пылкие души, как волшебная картина, через многие столетия, и идея древнейшей истории как самая главная притягательная сила сказывалась в тех научных командировках новейшего времени, цель которых была одна – изучение родственных народов и языков»¹⁵.

Знание удмуртского языка и личное обаяние помогли учёному преодолеть недоверчивость находившихся вдали от дома, лишённых свободы людей и расположить их к себе. Сам Мункачи описал первую встречу с пленными так: «Волнение величайшей степени отразилось на их лицах. Я приветствовал их по-удмуртски “Жеч на-а!?” (“Как себя чувствуете!?”), на что мне ответили: “Жеч!” (“Хорошо!”). Настроение немного спало от нашей шумной речи. “Ребята, не бойтесь, – говорю, – ничего плохого с вами не будет!” – “Солдат не боится”, – прозвучал ответ одного из удмуртов. Затем я усадил их на скамью и начал с ними говорить. Рассказал им, как в молодости ездил на их родину и кто был тогда моими помощниками – мастерами удмуртского языка; расспросил, не знают ли они их. Затем показал свои удмуртские издания и прочитал из народно-поэтических собраний одну сказку и одну песню. Это произвело

¹¹ *Lach R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener im August und September 1916. Wien, 1917; *idem.* Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917. Wien, 1918.

¹² Magyar Nemzeti Levéltár. Magyar Királyi Belügyministerium Elnöksége. Iktatószám 2743. 1915.

¹³ Цит. по: *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken.* Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Hrsg. von D.R. Fuchs // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* 1952. Vol. 102. S. V.

¹⁴ *Kozmács I.* The life of Bernát Munkácsi. Budapest, 2010. P. 102–142.

¹⁵ Цит. по: *Munkácsi B.* Jelentés az esztergomi fogolytáborban végzett votják nyelvi és néprajzi tanulmányaimról // *Akadémiai Értesítő.* – 1916, február 15. – 61. old.

на удмуртов хорошее впечатление, они стали держаться уверенно, заявив, что тоже знают такие песни и сказки и готовы их рассказать»¹⁶.

Богатый материал, собранный учёным за многие годы, включая записи военнопленных 1915–1917 гг., вошёл в книгу «Народные обычаи и народная поэзия удмуртов», опубликованную уже после Второй мировой войны¹⁷. Заслуга в публикации этого труда принадлежит ученику Мункачи – Д.Р. Фокош-Фуксу, который также находился в группе Венгерской Академии наук, работавшую в лагерях. В сферу его ответственности входил сбор фольклорно-этнографических текстов, записанных при беседах с военнопленными коми и коми-пермяками¹⁸. Позже эти собрания были объединены с удмуртскими и изданы отдельным томом¹⁹. Сопроводительные материалы к звукозаписям Фонограммархива Австрийской Академии наук показали, что, кроме венгров, записи удмуртов в Будапеште осенью 1917 г. также вёл австриец Р. Пёх, записавший более 20 песен и коротких рассказов на восьми восковых дисках.

Проводя звукозаписи, исследователи документировали весь процесс: на каждого военнопленного заводили «личное дело», где указывали место рождения информанта и его родителей, национальность, профессию, уровень грамотности, религиозную принадлежность, дату записи, лагерь и жанр исполняемого произведения. Иногда на тех же листах проводились расшифровки песни или рассказа. На основе анализа работ Р. Лаха и Мункачи, а также рукописных материалов к записям Пёха современные учёные составили общий список военнопленных-удмуртов, участвовавших в звукозаписях на территории Австро-Венгрии²⁰. Им удалось также уточнить названия населённых пунктов, откуда происходили информанты, с привязкой к современным муниципальным образованиям.

Сейчас трудно сказать, все ли шли на контакт с учёными добровольно, но участие Мункачи в этом научном проекте, несомненно, повлияло на готовность военнопленных стать информантами. Об этом свидетельствуют сохранившиеся отзывы участников записей тех лет. Их воспоминания о венгерском учёном были в высшей степени положительными: попавшие в плен солдаты высказывали ему глубокую благодарность за поддержку в трудное для них время. Мункачи помогал им получать дополнительное питание, добивался перевода на более лёгкие работы, что при их тяжёлом физическом труде и недостаточном рационе являлось весьма существенным²¹. Главное, он вселял в удмуртов веру в ценность их народной культуры, в конечном счёте, собственной жизни и человеческого достоинства.

¹⁶ Цит. по: Мункачи Б. В лагере военнопленных в Эстергоме // Подарок Мункачи. Песни и сказания. Ижевск, 1983. С. 72.

¹⁷ См.: Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken... Vol. 102.

¹⁸ Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogoly-tanulmányok ügyében // Keleti Szemle. 1915/1916. XVI. köt. 261–262. old.; Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogolyokkal való nyelvi tanulmányairól // Keleti Szemle. 1916/1917. XVII. köt. 228–230. old.

¹⁹ Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs. Wien, Leipzig, 1926.

²⁰ Денисов В.Н. История одного «невоенного» проекта: фонографические и граммофонные записи военнопленных-удмуртов в 1915–1918 гг. в Австро-Венгрии и Германии // Удмуртский край в годы Первой мировой войны. Ижевск, 2014. С. 177–179.

²¹ Архипов Г.А. О встречах с информантами Б. Мункачи, их родственниками и земляками // Венгерские учёные и пермская филология. Устинов, 1987. С. 72–75.

Первая мировая война заставила многих серьёзно пересмотреть прежние установки в восприятии себя и окружающего мира, стала испытанием, потребовавшим от воюющих государств внедрения не только технологических, но и социальных инноваций. Одним из хорошо зарекомендовавших себя способов воинского сплочения являлись подразделения, сформированные по этническому принципу.

Весной 1917 г. в составе 154-го пехотного запасного полка, расквартированного в уездном г. Глазове, была создана удмуртская рота. Один из её офицеров И.С. Сысоев вспоминал: «12-я рота полка, помещавшаяся в бараке на площади против ст. Глазов, была переименована в вотскую национальную роту, куда собирали всех удмуртов из других рот. Командиром роты был избран подпоручик Керов, удмурт. Я был избран командиром взвода (взводным офицером, как говорили раньше). В вотской роте служил также мой знакомый ещё по Казанской учительской семинарии прапорщик-удмурт Василий Фадеевич Фаддеев, активист. Фаддеев состоял членом “Культурно-просветительного общества вотяков”²². Председателем общества был священник кладбищенской церкви Крылов. Членом был и купец Пономарёв. Остальных я не помню. Фаддеев меня также старался вовлечь в это общество, но я, ещё молодой, незнакомый с работой общественных организаций, всячески отстранялся от участия в этом обществе. Был лишь на одном–двух заседаниях. Собиралось человек 7–8, все удмурты, но дальше обсуждения целей и задач общества дело, как помню, не шло. После Октябрьской революции В.Ф. Фаддеев под новой фамилией “Вильмон” (“Новый я”) работал в системе Наркомпроса Удмуртии и РСФСР»²³.

Армия в Российской империи, являвшаяся школой, в которой недавние малограмотные рекруты учились читать, писать и считать, в своей финальной стадии стала местом обучения навыкам общественной и политической жизни. Война, с одной стороны, уравнивала всех перед лицом смерти; с другой – придала импульс поискам новых форм самоорганизации этнических сообществ. Так, 22 марта 1917 г. в Казани было учреждено Общество мелких народностей Поволжья, в которое вошло несколько национальных секций и среди них – удмуртская. Собрания вчерашних инородцев, в большинстве фронтовиков, ставших гражданами обновлявшейся страны, проходили в атмосфере ошеломляющей свободы. Удмуртский писатель и учёный-педагог И.С. Михеев вспоминал, какое воодушевление царило на первых заседаниях общества: «У всех было искреннее и твёрдое намерение поработать на пользу своего народа, у всех было радостное настроение»²⁴.

В мае того же года состоялся I съезд этого общества, на котором был поставлен вопрос о местном самоуправлении и одновременно прозвучали предложения о создании Российской Федеративной Республики как союза национальных объединений²⁵. Но большинство делегатов решило ограничиться идеей создания культурных автономий. В меньшинстве оказался и представитель удмуртской секции – прибывший с передовой со своим эвакогоспиталем военный врач Т.К. Борисов (Трокай), ставший впоследствии одним из лидеров

²² Вотяки – устаревшее название удмуртов, официально использовавшееся до начала 1920-х гг.

²³ Глазовский краеведческий музей. Рукописный фонд, п. 64.1 1462/вс.

²⁴ Цит. по: Павлов Н.П. Самоопределение, автономия: идеи, реалии. Ижевск, 2000. С. 19.

²⁵ Иванов В.П., Изоркин А.В. Союз мелких народностей Поволжья (1917–1918 гг.) как редкий пример региональной межэтнической консолидации и самоорганизации // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000. С. 171.

движения за создание удмуртской автономии²⁶. В отличие от старшего поколения местной интеллигенции, крайне осторожного в суждениях и тем более в поступках, прошедшая фронт удмуртская молодёжь была готова к действиям, направленным на слом прежних устоев и создание новых форм применительно к общественным институтам, административным практикам и даже духовным началам.

Весной 1916 г. в действующую армию прибыл ратник 2-го разряда государственного ополчения, подававший большие надежды на научном поприще, студент историко-филологического факультета Казанского университета М.Г. Худяков. Будучи русским, сыном малмыжского купца, он с детства впитал полифонию языков и культур края, где с древности сходились пути финно-угров, тюрков и славян²⁷. Совмещая интерес к устно-поэтическому творчеству марийцев и удмуртов с археологическими поисками, Худяков вошёл в круг казанских финно-угроведов²⁸. Выжив в боях на о. Нароч, пройдя ускоренный курс одесской школы прапорщиков и встретив окончание войны на румынском фронте, он и в окопах продолжал заниматься наукой, ведя переписку с коллегами из Финно-угорского общества в Гельсингфорсе. По возвращении в родной город молодой офицер с единомышленниками учредил там Историческое общество и подготовил к открытию музей местного края, чьи рукописные журналы сегодня – ценный источник по традиционной культуре народов Волго-Камья²⁹. Худяков стал автором созданного в калевальской метрике удмуртского эпоса³⁰ и определил целые направления региональной гуманитаристики.

Будущее многих народов Российской империи определялось в строю маршевых рот, отправлявшихся за тысячи вёрст от дома, чтобы стать участниками драмы Первой мировой войны. Удмурты, вошедшие в XX в., как и другие крестьянские этносы страны, также формировали свою национальную повестку, определяемую деятельностью учёных-просветителей и стремлением грамотных молодых людей оторваться от стези молчаливых отцов. Идя на фронт, лишь единицы из них догадывались о целях войны, и почти никто не задумывался о её возможных итогах. Те же, кому посчастливилось остаться в живых, вернулись другими и вскоре стали участниками Ижевско-Воткинского восстания – среди «белых» и «красных», в рядах строителей удмуртской автономии.

²⁶ См.: Трофим Борисов: штрихи биографии / Сост. В.Н. Ившин. Ижевск, 2011.

²⁷ Гришкина М.В., Кузьминых С.В. Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды. Ижевск, 2008. С. 6–7.

²⁸ Загребин А.Е. Казань: общественные инициативы и этнография удмуртов в первые советские десятилетия // Учёные записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 3. Серия: Гуманитарные науки. С. 72–73.

²⁹ Малмыжский краеведческий музей. Рукописный фонд. Труды ММК (1918–1929 гг.).

³⁰ Худяков М.Г. Песнь об удмуртских батырах (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания... // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы: Сборник статей. Устинов, 1986. С. 97–135.